

УДК 347.45/.47

DOI 10.5281/zenodo.17304309

Пантюхов Д. А.

Пантюхов Дмитрий Андреевич, Ульяновский государственный университет, д. 42, ул. Льва Толстого, Ульяновск, Ульяновская область, Россия, 432017. E-mail: pantyukhov.dm@yandex.ru.

Деформация правового режима инвестиций в условиях санкционного давления: проблемы квалификации и гражданско-правовые последствия

Аннотация. Статья посвящена анализу гражданско-правовых последствий трансформации правового режима инвестиций под влиянием санкций. Автор указывает на неспособность традиционных гражданско-правовых институтов адекватно регулировать последствия санкционного давления. Предлагаются подходы к модификации обязательств и применению компенсационных механизмов. Обосновывается вывод о необходимости перехода от пассивного применения существующих норм к формированию специального законодательства (*lex specialis*), отвечающего природе современных внешнеэкономических вызовов. Предлагаются два ключевых направления реформы: введение института принудительной судебной реструктуризации инвестиционных обязательств и создание публично-правовых компенсационных механизмов.

Ключевые слова: инвестиции, санкции, правовой режим, деформация правового режима, форс-мажор, существенное изменение обстоятельств, реструктуризация обязательств.

Pantyukhov D. A.

Pantyukhov Dmitry Andreevich, Ulyanovsk State University, 42 Lva Tolstogo Street, Ulyanovsk, Ulyanovsk Region, Russia, 432017. E-mail: pantyukhov.dm@yandex.ru.

Deformation of the investment legal regime under sanctions pressure: problems of legal qualification and civil law consequences

Abstract. The article is devoted to the analysis of the civil law consequences of the transformation of the legal regime of investments under the influence of sanctions. The author points out the inability of traditional civil law institutions to adequately regulate the consequences of sanctions pressure. Approaches to modification of obligations and application of compensation mechanisms are proposed. The author substantiates the conclusion that it is necessary to move from the passive application of existing norms to the formation of special legislation (*lex specialis*) that meets the nature of modern foreign economic challenges. Two key areas of reform are proposed: the introduction of the institution of compulsory judicial restructuring of investment obligations and the creation of public law compensation mechanisms.

Key words: investments, sanctions, legal regime, deformation of the legal regime, force majeure, fundamental change of circumstances, restructuring of obligations.

Современный этап развития международных экономических отношений характеризуется беспрецедентной степенью их политизации, следствием чего стало широкое применение односторонних ограничительных мер (санкций) в качестве инструмента геополитического противостояния. Актуальность исследования обусловлена неспособностью традиционных институтов (форс-мажор, существенное изменение обстоятельств) адекватно регулировать возникающие отношения. Цель работы — концептуализировать санкции не как частный случай, а как фактор системной деформации правового режима. Научная новизна заключается во введении понятия «деформация правового режима» как ключевой аналитической категории для оценки влияния санкций на частноправовые отношения.

Концептуальные подходы по проблеме санкций представлены в работах зарубежных авторов Д. Пексена [9], Р. Карузо [10], Г. Хафбауэра [11], Р. Папе [12] и др. Среди работ российских авторов можно выделить исследования М. Братерского [1], И. Шепелева, С. Морозова [8], Е. Захаровой, М. Майер [3] и др. авторов.

Наиболее авторитетное и широко цитируемое на сегодняшний день определение экономических санкций принадлежит коллективу авторов под руководством Г. Хафбауэра (Институт Петерсона, США) [13–15]. Они трактуют их как «преднамеренный отказ, инициированный правительством, или угроза отказа от обычных торговых или финансовых отношений» [14, с. 3].

Й. Галтунг, чьи работы по классификации и эффективности санкций остаются актуальными, определял их как действия одних международных игроков (the «senders») против других (the «receivers»). Цель таких действий, по Й. Галтунгу, состоит в том, чтобы либо лишить «получателя» части дохода, либо заставить его следовать нормам, которые являются важными для «отправителя» [16, с. 379].

Следует отметить, что углубленный анализ понятийного аппарата санкций и критериев их эффективности является предметом специального исследования в фундаментальной работе Р. С. Гринберг, С. А. Белозёрова и Е. В. Соколовской [2]. Поскольку целью настоящей статьи является не столько экономико-политологический, сколько гражданско-правовой анализ последствий санкционного воздействия, мы, признавая исключительную ценность указанного труда для междисциплинарного понимания проблемы, сосредоточимся на юридических аспектах исследуемого феномена.

Экстерриториальный характер и всеобъемлющий охват подобных мер выводят их деструктивное воздействие далеко за рамки публично-правового поля, вторгаясь в сферу частноправовых, прежде всего инвестиционных, отношений и порождая фундаментальные вызовы для отечественной цивилистической доктрины. Сложившаяся правовая действительность требует не просто констатации фактов и перечисления трудностей, с которыми сталкиваются субъекты предпринимательской деятельности, а глубокой доктринальной рефлексии, направленной на концептуализацию происходящих процессов и выработку адекватного юридико-технического инструментария.

Научная проблема, находящаяся в фокусе настоящего исследования, заключается в том, что традиционные институты российского гражданского права, такие как непреодолимая сила (ст. 401 ГК РФ), существенное изменение обстоятельств (ст. 451 ГК РФ) и невозможность исполнения обязательства (ст. 416, 417 ГК РФ), разработанные для ординарных условий гражданского оборота, оказываются недостаточными для справедливого и эффективного регулирования последствий санкционного давления. Их применение либо наталкивается на непреодолимые трудности доказывания, либо приводит к результатам, нарушающим баланс интересов сторон. Это порождает состояние правовой неопределенности,

усугубляет экономические потери и дискредитирует право как инструмент социального регулирования.

В этой связи ключевым тезисом настоящей работы выступает положение о необходимости парадигмального сдвига в анализе санкций: от рассмотрения их как частного случая внешнего обстоятельства, влияющего на исполнение договора, к их концептуализации как системного фактора, вызывающего качественную **деформацию самого правового режима** осуществления инвестиционной деятельности. Именно введение в научный оборот и содержательное наполнение категории «деформация правового режима» позволяет вскрыть глубинную природу происходящих изменений и обосновать потребность в формировании специальных правовых механизмов (*lex specialis*).

Прежде чем перейти к анализу деформации, необходимо определить исходное понятие — «правовой режим». В отечественной юриспруденции данная категория, разработанная в трудах С.С. Алексеева, Ю.К. Толстого и других ученых, понимается как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. Применительно к инвестиционной деятельности, благоприятный правовой режим является не просто совокупностью норм, а сложной системой гарантий, принципов и институтов, формирующих предсказуемую и стабильную среду для вложения капитала.

К сущностным, системообразующим элементам стандартного (недеформированного) правового режима инвестиций следует отнести:

1. *Принцип стабильности законодательства*: гарантия того, что последующие изменения нормативной базы не ухудшат положение инвестора по сравнению с условиями, действовавшими на момент начала инвестирования.

2. *Принцип защиты права собственности и инвестиций*: включает гарантии от принудительного изъятия имущества, за исключением случаев, установленных законом, и с условием предварительного и равноценного возмещения.

3. *Принцип свободы договора*: возможность для инвестора и других участников проекта самостоятельно определять условия своих взаимоотношений, опираясь на диспозитивные нормы гражданского права.

4. *Принцип недискриминации*: предоставление инвесторам равных условий деятельности вне зависимости от формы собственности, страны происхождения капитала и иных факторов, не предусмотренных законом.

5. *Гарантия беспрепятственного осуществления прав*: обеспечение возможности свободного использования, владения и распоряжения объектом инвестиций, а также репатриации полученной прибыли.

6. *Институциональная обеспеченность*: наличие и эффективное функционирование институтов, обеспечивающих реализацию прав инвесторов, — независимой судебной системы, надежной банковской и расчетной инфраструктуры.

Именно эта целостная система и создает то, что можно назвать «нормальным инвестиционным климатом», где экономические риски (рыночные, коммерческие) являются основным предметом заботы инвестора, а правовые риски минимизированы.

Под деформацией правового режима инвестиций в контексте настоящего исследования следует понимать негативное системное изменение правовой среды, вызванное внешним, нелегитимным с точки зрения внутреннего правопорядка воздействием, которое приводит к разрушению базовых принципов инвестиционной деятельности и делает невозможным достижение ее экономических целей стандартными правовыми средствами.

Выделим признаки данного феномена:

1. Внешний и нелегитимный источник воздействия. В отличие от легитимного изменения внутреннего законодательства или введения государством особых правовых режимов (чрезвычайного, военного и т. д.), которые являются актами суверенной власти и частью национального правопорядка, источник деформации находится за пределами отечественной юрисдикции. Санкционные акты иностранных государств не обладают юридической силой на территории РФ, но их фактическое, трансграничное влияние создает правовые аномалии.

2. Целенаправленный и враждебный характер. Изменение правового регулирования, как правило, преследует цель совершенствования общественных отношений. Деформация же является следствием целенаправленных действий, задача которых — нанести ущерб, создать препятствия и подорвать экономическую стабильность конкретных субъектов или секторов.

3. Системность и всепроникающий характер воздействия. Если форс-мажор или существенное изменение обстоятельств могут носить точечный характер, затрагивая исполнение конкретного договора, то деформация поражает всю систему правовых связей инвестора: блокируются не только расчеты по одному контракту, но и доступ ко всей финансовой инфраструктуре; «токсичность» распространяется не на один актив, а на всю репутацию и деятельность субъекта.

4. Создание неразрешимой нормативной коллизии. Деформация порождает ситуацию, когда добросовестное следование предписаниям одного правопорядка (российского) влечет за собой неизбежное нарушение запретов другого (иностранный санкционный законодательства), что ставит участника оборота в безвыходное положение.

Проведение демаркационной линии со смежными понятиями имеет принципиальное значение. От изменения правового регулирования деформация отличается источником (внешний/внутренний),

легитимностью и целью (враждебная/регуляторная). От введения особых правовых режимов — тем, что особый режим, будучи предусмотренным законом, сохраняет целостность и иерархию правовой системы, тогда как деформация вносит в нее хаос и разрушает ее извне.

Критерием наступления деформации следует считать момент, когда для инвестора создаются такие правовые или фактические барьеры, которые делают невозможной или экономически бессмысленной реализацию прав, составляющих суть инвестиции (право на получение дохода, право на управление, право на распоряжение активом), при этом устранение этих барьеров стандартными гражданско-правовыми средствами (например, иском о понуждении к исполнению) становится невозможным.

Односторонние ограничительные меры качественно отличаются от традиционных рисков гражданского оборота. Имманентно присущий санкционным мерам политико-волевой, целенаправленный характер кардинально отличает их от традиционно понимаемых обстоятельств непреодолимой силы, имеющих, как правило, природное или техногенное происхождение. Санкции не случайны и не нейтральны, они представляют собой акт публичной власти (часто иностранного государства), направленный на создание препятствий для конкретных субъектов, секторов экономики или юрисдикции в целом. Их воздействие вызывает не просто затруднения в исполнении отдельных обязательств, а системную эрозию всех вышеперечисленных элементов правового режима. Рассмотрим проявления этой деформации подробнее.

Санкции создают параллельную, конфликтную систему правового регулирования. Российский инвестор и его контрагенты оказываются в ситуации «нормативных ножниц»: с одной стороны, действует российское право, предписывающее исполнять договорные обязательства (*pacta sunt servanda*), с другой — экстерриториальное законодательство

«недружественных» стран, под страхом многомиллиардных штрафов или уголовного преследования запрещающее такое исполнение. Возникает коллизия, неразрешимая в рамках стандартных подходов международного частного права. Принцип стабильности законодательства оказывается фикцией, поскольку правовая среда изменяется не внутренним законодателем, а внешним актором, причем ретроактивно и непредсказуемо.

Институты, ранее служившие опорой для гражданского оборота, трансформируются в инструменты реализации санкционной политики. Международные банки, клиринговые системы (Euroclear, Clearstream), страховые компании, рейтинговые агентства и даже юридические фирмы, опасаясь вторичных санкций, отказываются обслуживать российских клиентов или прекращают с ними отношения, даже при отсутствии прямого запрета. Таким образом, институциональная инфраструктура, обеспечивавшая беспрепятственное движение капитала и исполнение сделок, становится барьером, блокирующим реализацию законных прав инвестора.

Санкции порождают феномен «токсичности» активов и правоотношений. Актив (например, акции крупного промышленного предприятия) может не терять своей внутренней, фундаментальной стоимости, но его рыночная стоимость и ликвидность обрушиваются из-за того, что владение им или совершение операций с ним сопряжено с риском санкций для потенциального покупателя. Право собственности на такой актив формально сохраняется, но его ключевые правомочия — пользование (получение дивидендов) и распоряжение (продажа) — оказываются парализованными. Происходит отрыв юридической оболочки права от его экономического содержания, что является грубейшей формой деформации правового режима.

Попытки судебной практики и доктрины применять к описанной ситуации существующий юридический инструмен-

тарий демонстрируют его очевидную недостаточность.

Анализ института непреодолимой силы (ст. 401 ГК РФ).

Как правило, в правоприменительной практике принимаются во внимание природные катаклизмы и техногенные аварии и, соответственно, не принимаются во внимание: неисполнение обязательств контрагентами должника, дефицит или отсутствие на рынке необходимых ресурсов или денег у должника [5, с. 131]. Ключевые признаки форс-мажора — чрезвычайность и непредотвратимость. Если с чрезвычайностью санкций можно согласиться, то их непредотвратимость для конкретной стороны договора вызывает серьезные сомнения. Зачастую исполнение остается физически возможным (например, товар есть на складе), но контрагент отказывается от него из-за страха перед санкциями. Является ли страх перед потенциальными убытками или преследованием со стороны иностранного государства непреодолимым обстоятельством? Вероятно, нет. Кроме того, санкции носят персональный, целенаправленный характер, в то время как форс-мажор, как правило, имеет объективный и неперсонифицированный характер.

Анализ института существенного изменения обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Данная конструкция (*clausula rebus sic stantibus*) кажется более применимой, поскольку санкции действительно меняют обстоятельства, из которых стороны исходили при заключении договора, до неузнаваемости. Однако и здесь возникают препятствия. Во-первых, высочайший стандарт доказывания того, что стороны не могли предвидеть такое изменение. В условиях перманентной геополитической нестабильности последних лет, ответчики в судах все чаще заявляют, что риск санкций был прогнозируемым и должен был быть учтен истцом как предпринимательский риск. Во-вторых, крайне неохотно применяют ст. 451 ГК РФ, опасаясь подорвать стабильность

гражданского оборота и принцип святости договора [5–7]. Как следствие, данная норма носит скорее теоретический, чем практически работающий характер.

Анализ института невозможности исполнения (ст. 416, 417 ГК РФ).

Невозможность исполнения, вызванная актом органа государственной власти (ст. 417 ГК РФ), на первый взгляд, подходит для квалификации последствий санкций. Однако и здесь возникает коллизия: данный институт рассчитан на акты отечественных органов власти. Является ли указ президента США или регламент Совета ЕС таким актом для российского суда? Признание его таковым означало бы признание экстерриториальной юрисдикции иностранного государства на территории РФ, что противоречит основам публичного порядка. Отказ в признании оставляет сторону договора в патовой ситуации: она не может исполнить договор за рубежом (из-за санкций) и не может прекратить его в России (поскольку для российского суда юридической невозможности не наступило).

Таким образом, мы констатируем наличие системного сбоя, правового вакуума, когда добросовестный инвестор, чье положение кардинально ухудшилось по не зависящим от него причинам, лишается эффективных средств правовой защиты.

Выход из сложившегося доктринального и практического тупика видится не в дальнейших попытках экстраполяции старых норм на новую реальность, а в целенаправленной разработке и законодательном закреплении специальных правовых механизмов, адекватных природе санкционного вызова. Подобный *lex specialis* для инвестиционных отношений должен основываться на принципе восстановления экономического баланса и справедливого распределения рисков. Основными направлениями такой реформы могли бы стать:

1. *Введение института принудительной судебной реструктуризации инвестиционных обязательств.* Суду

должно быть предоставлено право не просто расторгать договор, что часто является наиболее невыгодным решением для инвестора, а принудительно изменять его условия в целях адаптации к деформированному правовому режиму. К таким мерам могут относиться:

– Принудительная конвертация валюты долга из «токсичной» в национальную валюту или валюту «дружественной» страны.

– Установление судебного моратория на исполнение обязательств или начисление штрафных санкций на период действия наиболее острых ограничений.

– Изменение порядка исполнения (например, замена расчетов через заблокированные иностранные банки на расчеты через специально уполномоченные российские кредитные организации).

2. *Создание публично-правовых компенсационных механизмов.* Поскольку первопричиной потерь инвестора является акт публичной власти (пусть и иностранной), логика справедливости диктует необходимость участия в покрытии этих потерь со стороны государства. Это может быть реализовано через формирование *специальных компенсационных фондов*. Источниками их наполнения могут служить:

– Средства, полученные от принудительного управления (или даже национализации в ответ на недружественные действия) активами лиц из юрисдикций, вводящих санкции.

– Специальные налоги или сборы со сверхприбылей, полученных отдельными секторами экономики благодаря уходу иностранных конкурентов.

– Прямое бюджетное финансирование.

Предоставление компенсаций из таких фондов позволило бы перевести часть бремени с контрагента по частноправовому договору на публичноправовой субъект, что более адекватно природе возникших убытков.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд принципиальных выводов. Научная новизна работы заключается, прежде всего, в обосновании и введении в научный оборот концепции «деформации правового режима инвестиций» в качестве центральной аналитической категории для осмысления последствий санкционного давления. Данный подход позволяет преодолеть ограниченность традиционных цивилистических институтов (форс-мажор, существенное изменение обстоятельств) и вскрыть системный, а не частный характер проблемы.

Доказано, что санкции вызывают не просто затруднения в исполнении обязательств, а качественную эрозию всех фундаментальных основ инвестиционного режима: стабильности, предсказуемости, институциональной защищенности и самого экономического содержания права собственности.

Сделан вывод о доктринальной и практической исчерпанности попыток применения к санкционным последстви-

ям общих норм ГК РФ. Дальнейшее движение по этому пути ведет лишь к усугублению правовой неопределенности и несправедливому распределению убытков.

Предложена и аргументирована необходимость формирования специального законодательства (*lex specialis*), направленного на регулирование инвестиционных отношений в условиях санкций. Обозначены его ключевые направления: создание механизмов принудительной судебной реструктуризации обязательств и публично-правовых компенсационных фондов.

Таким образом, настоящая статья предлагает перейти от пассивной адаптации к активному правотворчеству, от анализа последствий — к управлению правовым режимом. Только такой подход способен дать адекватный ответ на беспрецедентные вызовы, стоящие перед российской правовой системой, и обеспечить защиту интересов добросовестных участников экономического оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Братерский М. В. Торгово-экономические санкции: эффективность, цена, проблемы использования // Безопасность Евразии. 2009. № 2. С. 335–347.
2. Гринберг Р. С., Белозёров С. А., Соколовская Е. В. Оценка эффективности экономических санкций. Возможности систематического анализа // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 354–374.
3. Захарова Е.В., Майер М.В. Санкции против России. Анализ влияния экономического кризиса на розничную торговлю // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/51586>.
4. Крохина Ю.А. Инвестиционно-правовой механизм противодействия санкционному режиму // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9(225). С. 123.
5. Рассказова Е. Н., Устинова С. А. Санкции и форс-мажорные обстоятельства в гражданско-правовых сделках: проблема соотношения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 3. С. 130–133.
6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2024 № Ф05-13275/2024 по делу № А40-285307/2022: После введения санкций возникла невозможность импорта запасных частей и ремонта, что затрудняет деятельность истца, так как он занимается перевозкой грузов. Первая инстанция удовлетворила иск об изменении договора. Апелляция и кассация не согласились, указав, что это противоречит существу регулирования.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 03.09.2024 № Ф05-15322/2024 по делу № А41-77828/2023: Стороны заключили договор в период СВО, но до того, как товар, подлежащий поставке, внесли в новый пакет санкций. Истец заявил требование по 451. Суды отказали, так как истец, заключая договор, «оценивал возможность и риски поставки товара в период проведения СВО». Кроме того, истец мог привлечь иных субпоставщиков аналогичного товара.

8. Шепелев И. Г., Морозов С. Г. Анализ санкций против России, определение возможного их влияния на развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом // Экономика, управление и инвестиции. 2014, № 2. URL: [http://euii-journal.ru/pdf/2014/2\(4\)/2.pdf](http://euii-journal.ru/pdf/2014/2(4)/2.pdf).
9. Peksen D. Bilateral trade and the third party effect of US sanctions. Louis, MO, 2006. 30 p.
10. Caruso R. The impact of international Economic sanction on Trade. An empirical analysis. URL: <http://econwpa.repec.org/eps/it/papers/0306/0306001.pdf>.
11. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered // Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.
12. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do not Work? // International Security. 1997. Vol. 22. Iss. 2. P. 90–136.
13. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current policy. Institute for International Economics, 1985. 753 p.
14. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current policy. (Vol. I). Supplemental Case Histories. (Vol. II). Institute for International Economics (U.S.) Peterson Institute, 1990. 298 p.
15. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. 3d ed. Peterson Institute for International Economics. Washington, DC, 2007. 248 p.
16. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions. With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19(3). P. 378–416.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Braterskij M. V. Torgovo-jekonomicheskie sankcii: jeffektivnost', cena, problemy ispol'zovanija // Bezopasnost' Evrazii. 2009. № 2. S. 335–347.
2. Grinberg R. S., Belozjorov S. A., Sokolovskaja E. V. Ocenka jeffektivnosti jekonomicheskikh sankcij. Vozmozhnosti sistematicheskogo analiza // Jekonomika regiona. 2021. T. 17, vyp. 2. S. 354–374.
3. Zaharova E.V., Majer M.V. Sankcii protiv Rossii. Analiz vlijanija jekonomicheskogo krizisa na roz-nichnuju torgovlju // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2015. № 4. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2015/04/51586>.
4. Krohina Ju.A. Investicionno-pravovoj mehanizm protivodejstvija sankcionnomu rezhimu // Pravo i gosudarstvo: teorija i praktika. 2023. № 9(225). S. 123.
5. Rasskazova E. N., Ustimova S. A. Sankcii i fors-mazhorne obstoitel'stva v grazhdansko-pravovykh sdelkah: problema sootnoshenija // Vestnik jekonomicheskoy bezopasnosti. 2024. № 3. S. 130–133.
6. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 25.07.2024 № F05-13275/2024 po delu № A40-285307/2022: Posle vvedenija sankcij vznikla nevozmozhnost' importa zapasnyh chastej i remonta, chto zatrudnjaet dejatel'nost' istca, tak kak on zanimaetsja perevozkoj грузов. Pervaja instancija udovletvorila isk ob izmenenii dogovora. Apelljacija i kassacija ne soglasilis', ukazav, chto jeto protivorechit sushhestvu regulirovanija.
7. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 03.09.2024 № F05-15322/2024 po delu № A41-77828/2023: Storony zakljuchili dogovor v period SVO, no do togo, kak tovar, podlezhash-hij postavke, vnesli v novyj paket sankcij. Istec zajavil trebovanie po 451. Sudy otkazali, tak kak istec, zakljuchaja dogovor, «ocenival vozmozhnost' i riski postavki tovara v period provedenija SVO». Krome togo, istec mog privlech' inyh subpostavshhikov analogichnogo tovara.
8. Shepelev I. G., Morozov S. G. Analiz sankcij protiv Rossii, opredelenie vozmozhnogo ih vlijanija na razvitie otechestvennogo oboronno-promyshlennogo kompleksa i promyshlennosti v celom // Jekonomika, upravlenie i investicii. 2014, № 2. URL: [http://euii-journal.ru/pdf/2014/2\(4\)/2.pdf](http://euii-journal.ru/pdf/2014/2(4)/2.pdf).
9. Peksen D. Bilateral trade and the third party effect of US sanctions. Louis, MO, 2006. 30 p.
10. Caruso R. The impact of international Economic sanction on Trade. An empirical analysis. URL: <http://econwpa.repec.org/eps/it/papers/0306/0306001.pdf>.
11. Hufbauer G.C., Schott J.J., Elliott K.A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered // Peterson Institute for International Economics, 2007. 233 p.
12. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do not Work? // International Security. 1997. Vol. 22. Iss. 2. P. 90–136.

-
13. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current policy. Institute for International Economics, 1985. 753 p.
 14. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A. Economic Sanctions Reconsidered: History and Current policy. (Vol. I). Supplemental Case Histories. (Vol. II). Institute for International Economics (U.S.) Peterson Institute, 1990. 298 p.
 15. Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. 3d ed. Peterson Institute for International Economics. Washington, DC, 2007. 248 p.
 16. Galtung J. On the Effects of International Economic Sanctions. With Examples from the Case of Rhodesia // World Politics. 1967. Vol. 19(3). P. 378–416.

Поступила в редакцию: 19.09.2025.

Принята в печать: 30.10.2025.
